

*Алексеева Валентина Александровна
Дереновский Роман Игоревич*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СМЫСЛОЖИЗНЕННАЯ КОНСТАНТА ЧЕЛОВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская цивилизация, историческая память, культура, национальное сознание, массовое сознание, национальная идентичность.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос об экзистенциальной природе исторической памяти человека. Обосновывается тезис о том, что данный феномен выступает неотъемлемой частью духовной целостности личности, исследуются механизмы его деструкции в современном массовом сознании, проводится идея о фундаментальном значении исторической памяти для сохранения цивилизационной идентичности.

*Alekseeva Valentina Aleksandrovna
Derenovskii Roman Igorevich*

HISTORICAL MEMORY AS SMYSLOZHIZNENNY CONSTANT OF THE PERSON

KEY WORDS: Russian civilization, the historical memory, culture, national view, mass mentality, national identity.

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of the existential nature of the historical memory. The thesis that given phenomenon is an integral part of the personality's spiritual integrity is substantiated. The mechanisms of the destruction of the historical memory in the modern mass mentality are inves-

tigated. The idea of key importance of the historical memory for the preservation of the civilizational identity is supposed.

Острейшей проблемой современности стала утрата человеком целого ряда жизненных констант, существовавших веками и определявших смысл и весь строй человеческой жизни, таких, как любовь, осознание конечности земного существования, устремленность в вечность, национальная и культурная идентичность. Разрушение традиционных ценностей, тотальный и углубляющийся разрыв непосредственных живых человеческих взаимоотношений, утилитаризм и потребительское отношение к жизни, эгоцентрированность мировоззрения ведут и к чувству неполноты бытия и, в конечном итоге, к полному обесцениванию личности, к сведению личности к набору функций.

Наши современники, по крайней мере, - мыслящая их часть, испытывают чувство тревоги и неуверенности в условиях зримого и ускоряющегося технического прогресса, что прекрасно осознано, в частности, философской традицией постмодернизма.

Нынешняя массовая вненациональная культура, современный ритм жизни и как никогда прежде сильный мотив гедонизма буквально «разрывают» человека, фрагментаризируют его повседневность. И перед лицом этой современной «агрессии окружающего мира» человек ощущает себя весьма слабым и ничтожным. Естественно, что вековое стремление человека обрести какую-то жизненную опору, приобщить себя к тому, что устойчивее, сильнее, надежнее тебя сегодняшнего, является неустранимым и ныне. Одной из форм подобного рода духовного поиска предельных оснований личностного существования, безусловно, выступает историческая память.

Феномен исторической памяти давно является объектом философского осмысления и научного исследования. Различие методологических оснований и исследовательских подходов здесь связано с именами Гегеля, М. Фуко, Т. Адорно, П. Нора, Ж. Ле Гоффа, Б. Гене, Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Генона и др.

Содержание понятия «историческая память» составляет совокупность актов человеческого духа, направленных на символическое реконструирование прошлого в актуальной повседневной жизни личности. Данный духовный феномен непосредственно связан с формированием идентичности человека и его нравственным выбором.

Если память как нейрофизиологическая составляющая психики человека представляет собой фиксацию, сохранение и воспроизводство фрагментов личного опыта человека, то память историческая – это феномен внебиологический, означающий способность человека соотнести себя с людьми прошлых эпох, в какой-то мере «отрешиться» от себя и поставить себя на их место. Фактически она означает способность человека духовно, умозрительно «выйти за пределы своей собственной повседневной жизни», лично пережить то, что имело место когда-то очень давно, может быть, - много веков назад, способность человека мысленно погрузиться в ту или иную эпоху истории и стать «участником» минувших событий.

Историческую память необходимо, безусловно, отличать от исторического знания, хотя последнее, конечно же, выступает, с одной стороны, ее предпосылкой, а с другой, - ее оформленным результатом. Но, прежде всего, историческое знание – это готовое знание, добытое кем-то, будь то летописец или специалист-историк, и транслируемое «потребителю». Это – всегда схема, состоящая из сухих дат и опи-

саний событий, отвлеченных от конкретной жизни людей прошлого и не имеющая прямого отношения к повседневной жизни современного человека, а если в рамках готового знания дается какая-либо оценка историческим событиям, то делается это, как правило, в силу того или иного социального и идеологического заказа. Историческая память – это прежде всего способность «обыденного» человека вникнуть в само мировоззрение людей прошлого, в совокупность их пристрастий, чаяний, планов и надежд. В исторической памяти присутствуют преимущественно не «глобальные закономерности исторического процесса» и не последовательные цепочки событий, а конкретные судьбы, характеры, поступки.

В этой связи уместно напомнить идею В. Виндельбанда о разграничении номотетического и идеографического методов исследования и, соответственно, - естественных и исторических наук. Если науки номотетические исследуют предмет с точки зрения проявленных в нем всеобщих, универсальных закономерностей, то науки идеографические, и в частности, - историческая наука, рассматривают единичное в его исторической неповторимости. В единичном человеческом существовании есть нечто, что нельзя выразить в общих понятиях. И хотя известно, что в реальном историческом познании, в рамках существующей исторической науки мы можем увидеть сочетание обоих названных исследовательских методов (принципиально различны в этом плане, например, произведения С. Соловьева и Н. Карамзина), невозможно понять историческое прошлое, рассматривая лишь его лишь как законосообразную схему. Во всем историческом кроется «непознаваемое, неизреченное и неопределимое» (В. Виндельбанд). Поэтому именно историческая память всегда наиболее бережна к прошлому, в ней никогда не теряется человек.

Приведенный ниже текст, безусловно, является текстом историческим, хотя в нем нет той «строгой теоретичности», которая отличает научные исследования. Скорее, он носит нарративный характер. Он составлен нами из фрагментов устных бесед, из воспоминаний и документальных свидетельств. Но именно подобного рода нарративы, думается, и воспроизводят историческую память.

«Минуло уже четверть века с тех пор, как в 1989 году из Афганистана были выведены последние советские войска. И, казалось бы, давно уже пора забыть ту войну, историческое описание которой преимущественно свелось к нескольким строчкам в учебнике, и отношение к которой до сегодняшнего дня остается неоднозначным. А неоднозначность эта – не только из-за различий в мировоззрениях людей или в их политических пристрастиях. Эта война как нельзя более ярко высветила именно неразрешимость глубинных вопросов человеческой жизни. Ведь никакая скрупулезная аналитика, никакие рассуждения историков или политологов, никакие изменчивые идеологические конструкты не способны примирить в сознании то, что в принципе непримиримо, то, что воскрешает в памяти лишь знаменитое вопрошание Достоевского о слезинке ребенка, положенной в основание царства всеобщего благоденствия.

Да, с одной стороны, геополитическая реальность 70-х, стратегические интересы СССР и противостояние сверхдержав в эпоху холодной войны действительно требовали советского присутствия в Афганистане, и решение руководства СССР о вводе войск было весьма взвешенным. А с другой – это стремление к стратегическому превосходству (к превосходству, заметим, не чужой нам страны, а нашей Родины) оплачивалось ценой десятков тысяч жизней, обесцениванием самой жизни человека. И если сегодня память обращается к

былой славе разрушенной теперь великой державы, и если не высохли слезы матерей, потерявших в Афганской войне сыновей, то любой призыв или хотя бы намек на то, что о войне в Афганистане лучше бы и не вспоминать, звучит и абсурдно, и предательски.

Разве можно забыть того, кто тогда своим телом закрыл тебя от пули душмана, разве можно вычеркнуть из памяти боевое афганское братство? И можно ли сейчас, даже по прошествии стольких лет, не обращать внимания на тех, кого эта «...ненужная, но наша война» безжалостно искалечила?

Одним из тех, кто всегда бережно хранил память о войне в Афганистане, был верен традициям боевого братства, был Павел Сергеевич Саркисян – житель Анапы, воин-интернационалист, участник боевых действий в Афганистане, ушедший из жизни осенью 2014 года.

Родился Павел Сергеевич 23 мая 1968 года в посёлке Чембурка Анапского района Краснодарского края в семье тружеников сельского хозяйства. Мама русская, отец армянин. Детство провел с родителями в посёлке Чембурка, а десятый класс закончил в средней школе № 3 посёлка Джемете, что под Анапой.

В 1986 году Павел Сергеевич был призван в ряды Советской Армии, а с декабря 1986 года по июль 1988 года проходил срочную службу в Республике Афганистан в десантных войсках в провинции Кандагар. В ходе боевых действий он получил ранение и контузию. Из Афганистана Павел Сергеевич вернулся инвалидом второй группы.

За успешное выполнение поставленных перед ним задач он был награжден орденом «Красной Звезды» и, в соответствии с Указом Президента Республики Афганистан от 15

мая 1988 года, - медалью «Воину Интернационалисту от благодарного афганского народа».

Одной из самых редких наград, орденом «Красная Звезда», Павел Сергеевич Саркисян был награжден, как отмечается в наградном листе, «за проявленные им мужество и героизм в условиях боевых действий».

Он участвовал в восьми боевых операциях по ликвидации бандформирований в провинции Кандагар продолжительностью 118 суток, проявляя храбрость, решительность, отличную профессиональную подготовку. 30 мая 1987 года в ходе боевых действий в уезде Аргандаб Павел Сергеевич, умело маневрируя под огнем мятежников, смело вывел БТР в удобную огневую позицию на склоне горы, что способствовало отражению атаки противника на командный пункт полка. А 29 июля 1987 года в боевых действиях в уезде Танджвани при подрыве БТР на фугасе, несмотря на полученные травмы из боя не вышел, сев за руль поврежденной машины, с риском для жизни, под огнем мятежников участвовал в эвакуации машины с поля боя. Так с честью выполнял Павел Сергеевич свой воинский долг.

Но Павел Сергеевич Саркисян был героем не только в условиях войны, но и в гражданской жизни. Здесь он стал для своих земляков, для тех, кто его знал, образцом подлинно нравственного отношения к жизни и к людям. Уже будучи гражданским человеком, Павел Сергеевич был награжден многими медалями и орденами такими как орден «За службу России», медалями «За верность долгу и Отечеству» и многими другими.

2000 году он становится председателем Анапского отделения Краснодарской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане «Инвалиды войны» и членом правления Крас-

нодарской краевой организации «Российский союз ветеранов Афганистана». А образованное в 1999 году в Анапе автотранспортное предприятие «Кандагар» также возглавил Павел Сергеевич. Предприятие это, в ряду других анапских фирм – автоперевозчиков, особенное. Оно объединило не только воинов - афганцев, но и ветеранов Советской Армии и Вооруженных Сил России, принимавших участие во всех локальных вооруженных конфликтах. Предприятие «Кандагар» объединило мужчин разного возраста, но с одинаковой судьбой.

К директору водители воины-интернационалисты и члены их семей, матери и вдовы погибших постоянно обращались со своими нуждами. Павел Сергеевич всегда вникал в суть каждой проблемы и старался поддерживать всем, чем мог, людей, нуждающихся в помощи. А в городе всегда было известно, что от ООО " Кандагар" безотказно и безвозмездно направляется транспорт для решения общегородских проблем, что перечисляются пожертвования в рамках благотворительных программ, что 7 и 8 мая, по инициативе Павла Сергеевича, ежегодно проводится турнир по мотокроссу в честь анапчан, погибших в локальных конфликтах.

Павел Сергеевич всегда был умелым руководителем, творческим и инициативным человеком, честным и порядочным. Он никогда не проходил мимо чужой беды, никогда не оставался равнодушным. Он свято и мужественно выполнил свой воинский долг в Афганистане, а его девизом по жизни были слова: «Быть честным, творить добро людям!». Так и надо жить – пусть короткая жизнь, но – справедливая и чистая. А потому она – и в нашей памяти тоже».

Образ прошлого имплицитно включен в представления человека о времени и о вечности. Необходимость возвращения к истокам своего существования вызывается по-

требностью осмыслить свою судьбу, глубинные причины сегодняшних ситуаций и проблем, понять, «как это случилось со мной». По мнению Э. Фромма: «Настоящее – это точка, где прошлое встречается с будущим, это станция на границе двух времен, соединяющая их и качественно ничем от них не отличающаяся».[3. 216] На этом концептуальном основании можно утверждать, что прошлое как бы присутствует в настоящем, в его специфических особенностях. Известен и тезис общей теории систем, согласно которому каждое конкретное актуальное состояние системы обусловлено спецификой всех ее предшествующих состояний. Ф. Бродель утверждал о том, что все социокультурное прошлое человечества формирует наличные «структуры повседневности». Поэтому модус «настоящего времени» в сознании человека неизменно включает в себя как «живую память» о своих ближайших предках («так поступал мой отец» или «этого могло бы не быть, если бы в свое время моя мама...» и т.д.), так и постоянную обращенность к исторической реальности. Иначе говоря, без освоения прошлого невозможно наличное существование человека, отношения прошлого и настоящего – это отношения событийности.

Историческая память присуща человеку, не склонному «скользить по поверхности своей жизни», способному видеть неумолимость своей судьбы и повторяемость человеческих судеб. Она предполагает живую связь человека с историей своего рода, своей страны, с историей всего человечества. Но возникает осознание того, что человек тысячами нитей «привязан к истории» лишь в контексте процесса осмысления человеком собственной жизни. А осмысление жизни означает нашу попытку соотнести конкретные ее события с некоей всеобщей универсальной истиной и вписать ее в контекст вечности. Мы вспоминаем о прошлом и о его людях

тогда, когда нам трудно, когда напрасны наши призывы о помощи к современникам, когда перед нами встают вопросы неразрешимые, вопросы, касающиеся самих основ нашего собственного существования, когда мы оказываемся перед лицом непростого нравственного выбора. Тогда в прошлом мы ищем аналогий и, находя их, мы благодарны прошлому, от прошлого мы как бы мысленно принимаем некую эстафету, укрепляемся в своих жизненных силах.

Различные исторические варианты человеческой практики воплощаются и закрепляются в той или иной форме: в социальных нормах, в языке, в ритуалах и обрядах и т.д. Они становятся типическими, и новые поколения «застают» их уже в готовом виде. Историческая память предполагает способность выявления в них особенностей мышления и мировосприятия людей прежних эпох, их надежд, страхов, волевых усилий и т.п. Особенным образом эта способность проявляется в периоды исторических коллизий, резкой смены эпох, когда прежние социальные формы начинают активно разрушаться. Именно тогда сознание обращается к осмыслению «личностного генезиса» этих форм, а это значит, - происходит «всплеск» исторической памяти. В эти же периоды, как известно, усиливается и процесс «вторжения» в историческую память народа, процесс ее идеологизации, появляются новые герои и развенчиваются прежние кумиры.

Память о собственном прошлом есть источник социокультурного опыта народа, иначе говоря, чем крепче, чем надежнее историческая память людей, тем богаче этот опыт, тем «более опытна» современность, и расхожие высказывания о возможности учиться жизни на ошибках прошлого имеют реальный смысл. Примечательно, что практически все современные массовые социальные движения и революции, политические процессы, в очередной раз ввергающие ту или

иную страну в общественный хаос, осуществляются, в общем-то, по одному сценарию, известному еще со времен Великой Французской революции. В том, что сегодняшнему человеку кажется, порой, эффективным и сверхновым, обязательно можно обнаружить архаические черты или предшествующие исторические формы. Действительно, «новое – хорошо забытое старое». Наверное, в этом, в частности, можно увидеть основание перманентного чередования на Западе и в России вплоть до настоящего времени доминанты либеральной и консервативной идеологий.

Историческая память выступает важнейшим условием существования национальной идеи и фактором становления социальной сплоченности. Без нее народ просто перестает быть самим собой и превращается в толпу «манкуртов» (образ, воссозданный из древних тюркских легенд Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день», буквально означает: «пленник, превращенный в бездушного раба, беспрекословно преданного хозяину и потерявшего связь со своими корнями, полностью забывшего о своей прежней жизни»).

«Нация – это душа, духовный принцип, – писал Э. Ренан. – Культ предков – самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом».[2. 101]

Вопрошание к прошлому, героизация прошлого и страдание прошлому являются важнейшими, базовыми модулями переживания человеком истории.

Социокультурные предпосылки и факторы воспроизводства исторической памяти весьма многообразны. Помнить о прошлом, переживать свою личную причастность к истории, человеку, конечно же, помогают и само историческое знание, и традиции его народа и семьи, и различного рода нарративы и культурные артефакты, и памятные даты и праздники и т.д.

Однако, следует отметить, что значение этих факторов в некоторой степени условно. Способность духовного обращения человека к историческому прошлому зависит не от «совокупной массы» вложенной в его сознание исторической эмпирии, не от наличия, либо – отсутствия исторического знания как такового. Эти последние могут быть большими или меньшими, но сами по себе они ничего не дают человеку в его повседневности, являясь всего лишь отвлеченными фактами или схемами. Подлинное глубинно-личностное отношение к истории возможно только в процессе поиска человеком ответа на вопрос о смысле его собственной жизни, и глубина такого отношения зависит в первую очередь от ощущения человеком жизненной полноты или неполноты, от степени самодовольства человека, от желания или нежелания чему-то у кого-то учиться.

Во многом «градус» исторической памяти определяется особенностями той эпохи, в которой довелось жить человеку. Если самосознание эпохи выражено в чувстве упадка культуры, если общий ее настрой есть ожидание недалекого конца, то человек в такую эпоху видит в прошлом «лучшие времена», «золотой век». Если современность не дает человеку жизненной полноты, прошлое для него всегда – героическая эпоха, время славных дел, когда жизнь была, хоть и полна лишений, но – прекрасна. Более того, чем явственнее

он ощущает сегодняшнюю деградацию, тем сильнее тоска по прошлому.

Отсутствие героики и романтики «настоящего» компенсируется мифологизацией и героизацией прошлого. В исторической памяти прошлое – это всегда «мир, который был и ушел». Именно так сегодня воспринимает дореволюционное прошлое России, православное сознание, воочию видящее тотальность духовной деградации современности. Не иначе, как «временем наших благочестивых предков» называет оно эпохи от «Святой Руси» до имперских времен России. Именно как неизменный идеал воспринимали поколение своих героев-отцов мальчишки 1960-х, до слез завидовавшие отцам и сожалевавшие о том, что судьба не удостоила их родиться в годы великой войны.

Напротив, упоенное прогрессом и его плодами сознание, эпоха, которая слепа в отношении своего реального будущего, не видит перспективы своего падения, смотрит на прошлое как бы свысока, усматривая в нем лишь лестницу, ведущую в сегодняшний день, а людей прошлого – как «исторический материал», как субстрат для создания нынешнего поколения. Так, даже слово «современный» приобретает в такие эпохи свой новый оттенок. Быть современным в этом случае все более означает разрыв с прошлым, забвение традиций. Такое прогрессистское сознание видит в прошлом только «генеральные закономерности», для него трудно проникнуть в мысли и чаяния предков. Оно слишком «самодовольно». Но, повторим, это сознание не имеет рефлексии по поводу подлинных критериев прогресса и его последствий. Расхожие штампы типа: «Наши предки стремились к свободе, мы же достигли ее», или «Наконец, в наше время мы победили голод, болезни и т.д.», или «Это напоминает темное средневековье» и т.д. как нельзя более ярко выражают само-

довольство и самоуверенность современников. Однако, как известно, еще О. Шпенглер, А. Тойнби и др. показали, что такое самодовольство есть лишь показатель вырождения культуры и деградации самой человеческой жизни.

В современной российской социальной реальности историческая память, если и не стирается откровенно, как это было в преддверии распада СССР или в сегодняшней Украине, то зачастую подменяется клише типа «Никто не забыт, ничто не забыто!» или «Это нужно не мертвым, это нужно живым», которые ни к чему, в общем-то, не обязывают и образуют собой ту, говоря словами Х. Ортеги-и-Гассета, «... мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась по воле случая и навязывается везде и всюду...»[1. 67]

Современное массовое сознание зачастую воспринимает историческое прошлое человечества лишь как своеобразный анахронизм, до которого просто нет дела человеку, погруженному в стремительный ритм жизни и бурный поток новых технологий. Мы ощущаем превосходство над прошлым, а отсюда – равнодушие к нему. «Быть современным» сегодня зачастую означает изо всех сил стремиться поспевать за все ускоряющимся прогрессом. Однако, по мысли Ортеги, лишь те люди находятся «на высоте своего времени», которые «... слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания» [1. 91]

Современный прогресс уничтожает историческую память также и иным способом. В условиях прогресса повседневная жизнь все более видится человеку как лишенная различных трудностей. Совершенно не таковой виделась она людям прошлого. Современный же человек все менее склонен к преодолению трудностей. И его изнеженное сознание

требует, чтобы об этих трудностях ничто не напоминало. Поэтому трагизм истории – это не тот мотив, к которому современный человек склонен постоянно возвращаться в своем сознании.

Исчезновению исторической памяти способствует и «современный аморализм». Мы ведем речь в данном случае не об отсутствии всякой морали в обществе. Любая нормативность, как хорошо известно, выступает неотъемлемым регулятором социальных связей. Речь идет о невиданной, по крайней мере, до середины XX века непрерывной трансформации нравственных норм, об отвержении традиционной нравственности. То, что считалось безусловным проявлением зла еще в веке XIX-м, ныне приобретает характер вполне дозволенного. Так, вполне дозволенным с точки зрения обывательской морали является, например, беснование толпы, будь то толпа фанатиков-нацистов в «ночь длинных ножей» в Германии 30-х годов, толпа нынешних прибалтийских националистов или молодежная толпа на рок-концерте. Вполне дозволено ныне полностью обесценивающее личность суррогатное материнство, молчаливо одобряется так называемый «бытовой национализм» и мн. мн. др. В результате человек оказывается как бы «по ту сторону добра и зла», грань между которыми совершенно растворяется в его сознании. Но мораль всегда предполагает подчинение чему-либо. Традиционная нравственность именно и требовала от человека такого безусловного подчинения: четкое разграничение добра и зла ориентировало человека на однозначность нравственного выбора. Теперь, поскольку этот выбор практически полностью зависит от чисто субъективного понимания данных верховных категорий, человек исходит в своих мыслях и поступках из приоритетности своего «я» и из приоритета своих прав перед своими обязанностями.

Естественно, что историческое прошлое являет человеку высочайшие образцы именно нравственного поведения, сегодня зачастую только там, в прошлом, можно обнаружить, как, например, возможна подлинная совесть или как возможно настоящее чувство долга. Но если эти понятия выступают для человека лишь пустыми абстракциями, то духовное обращение его к исторической реальности – не просто пустая трата сил и времени, но даже процесс весьма болезненный.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 509 с.
2. Ренан Э. Что такое нация?// Ренан Э. Собр. соч. в 12-ти томах. Т.6. Киев, 1902. С.87-101.
3. Фромм Э. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр. 1998. 400 с. С. 189-389